

УДК 93/94

DOI: 10.18413/2075-4458-2018-45-2-326-332

**КОНЦЕПЦИЯ ФРОНТИРА КАК ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ
В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В XVIII–XIX ВВ.**

**FRONTIER CONCEPTION AS A COGNITIVE TOOL IN STUDYING
THE HISTORY OF RUSSIAN-KAZAKHSTAN RELATIONS
IN THE XVIII–XIX CENTURY**

Р.Г. Буканова, А.А. Шарипов

R.G. Bukanova, A.A. Sharipov

Башкирский государственный университет,
Россия, 450076, г.Уфа, ул. Заки Валиди, 32

Bashkir State University,
32 Zaki Validi Str., Ufa, 450076, Russia.

Кокшетауский государственный университет им. Ш.Уалиханова,
Казахстан, 020000, г. Кокшетау, пр. Абылай хана, 9

Kokshetau State University. Sh. Ualikhanova,
9 Abylai khan ave., Kokshetau, 020000, Kazakhstan.

E-mail: brg777.50@mail.ru, sharipovakan@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается возможность применения концепции фронта в изучении российско-казахстанских отношений в XVIII–XIX вв. До сих пор применение концепции фронта к истории тюркоязычных народов Поволжья, Урала, Казахстана и Средней Азии остается проблематичной. Одним из важных особенностей фронта, по утверждению Ф.Дж.Тернера, является его подвижность, постепенное продвижение условной границы государства на новые территории. В восточном и юго-восточном направлениях имелись вполне реальные границы государств, образовавшихся после распада Золотой Орды, что является главным отличием русского фронта от американского. Наиболее устойчивые государственно-правовые традиции сохранились у казахов. Поэтому использование концепции фронта в изучении российско-казахстанских отношений не означает воскрешения традиционной истории колонизации. Этот методологический инструмент позволяет одинаково равномерно изучать те процессы, которые происходили по обе стороны фронтальной линии.

Abstract

This article examines the possibility of applying the concept of a frontier in the study of Russian-Kazakh relations in the eighteenth and nineteenth centuries. Until now, the application of the frontier concept to the history of the Turkic-speaking peoples of the Volga region, the Urals, Kazakhstan and Central Asia remains problematic. One of the important features of the frontier, according to Frederick Jackson Turner, is his mobility, gradual advancement of the conditional state border to new territories. In the east and south-east directions there were quite real borders of the states formed after the collapse of the Golden Horde, which is the main difference between the Russian frontier and the American one. The most stable state-legal traditions were preserved among the Kazakhs. Therefore, the use of the frontier concept in the study of Russian-Kazakh relations does not mean the resurrection of the traditional history of coloniza-

tion. This methodological tool makes it possible to study equally the processes that occurred on both sides of the front line.

Ключевые слова: Россия, Казахстан, фронт, тюркско-мусульманская и славяно-православная цивилизации, города-крепости, Оренбургская укрепленная линия.

Key words: Russia, Kazakhstan, frontier, Turkic-Muslim and Slavic-Orthodox civilizations, fortified cities, Orenburg fortified line.

Российско-казахстанские отношения на современном этапе определяют главный вектор развития на постсоветском евразийском пространстве. Не только в ближайшей, но и в более отдаленной перспективе отношения Казахстана и России будут влиять на обеспечение стабильности и безопасности как в Центральной Азии, так и далеко за ее пределами. В настоящее время между Россией и Казахстаном заключены договора и соглашения о делимитации государственных границ, о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Традиционно развиваются экономические и культурные связи двух стран. Одним из важных факторов, обеспечивающих эффективность двусторонних отношений суверенных государств, является объективная оценка исторического опыта взаимодействия двух стран, которые на протяжении двух с половиной столетий находились в едином институционально-политическом пространстве.

В XVI–XVIII вв. по мере расширения территории России в восточном и юго-восточном направлениях в ее составе оказалось совершенно уникальное цивилизационное пространство, населенное в основном тюркоязычными народами. Наиболее многочисленными были казахи, занимавшие ключевые позиции в Центральноазиатском регионе. При «столкновении» тюркско-мусульманской и славяно-православной цивилизаций были сохранены не только общие специфические черты тюркско-мусульманского мира, но и внутренние различия, характерные для каждого народа. Именно это, по мнению российских ученых, «не только препятствовало стабилизации государственной территории, формированию ее сколько-нибудь четких границ, но и постоянно воспроизводило глубокую неравномерность в приобщении отдельных областей страны к тому системному социальному порядку, который в наиболее чистом, завершенном виде воплощал собой сущностные черты российской цивилизации» [Алексеев, 2011, с. 273].

Возникает несколько методологических и конкретно-исторических проблем:

– проблема взаимодействия двух или даже нескольких типов цивилизаций, что тесно связано с характером присоединения отдельных областей к Российскому государству,

– конкретные способы внедрения институтов государственной власти на вновь присоединенных территориях,

– проблема адаптации местных общин с их традиционным укладом хозяйственной и повседневной жизни к новым условиям.

В связи с отречением от господствовавших в советском государстве теоретико-методологических подходов к изучению истории как России, так и Казахстана, наиболее приемлемым методом, с помощью которого можно объяснить многие аспекты российско-казахстанских отношений в XVIII–XIX вв., является, на наш взгляд, концепция фронта. Впервые введенная в научный оборот в конце XIX в. американским историком Ф. Дж. Тернером [Тернер, 1998], благодаря широкому использованию ее в постсоветской историографии, она существенно обогатилась конкретно-историческим содержанием. Обширность территории Российского государства, разнообразие его природно-географических и климатических характеристик, протяженность границ, полиэтничность и многоукладность хозяйственной жизни народов, в разное время вошедших в его состав, историческое и культурное своеобразие регионов – все эти признаки значительно расширили внутреннее, логическое содержание концепта «фронт». Он позволяет шире пред-

ставить постепенный процесс формирования государственной территории России и ее институционализации. Кроме того, данная концепция, используемая для изучения регионов, в истории которых существенную роль играла колонизация, позволяет, с одной стороны, избегать крайне негативной эмоциональной оценки колонизаторской политики Российской империи, с другой, глубже изучить историю народов, оказавшихся в разное время в зоне фронта.

Безусловно, в исторической памяти народов бывшей Российской империи сохранились и негативные факты прошлого. Современная российская историография необдуманной уничижительной критикой советского государства, а также риторика некоторых депутатов Государственной Думы, сами дают повод для отрицательного отношения народов бывшего Советского Союза к совместной истории в составе единого государства. Соседство с таким крупным государством, как Россия, вызывает тревогу и беспокойство у некоторой части ученых постсоветских республик. Поэтому современные казахстанские исследователи, переосмысливая теоретико-методологические подходы к проблеме существования Казахстана в составе царской России и Советского Союза, критически воспринимают и те новые теоретические концепции, которые появились в России за последние годы. Следует отметить, что имеется множество точек зрения на исторические события, происходившие в Казахстане в XVIII–XX веках. В частности, по-разному дается оценка «теории фронта» американского ученого Ф.Дж. Тернера. Так, Н. Нуртазина отмечает, что согласно этой теории «не было колониальных захватов, а было только продвижение границы и освоение, тогда, наверное, придется полностью вычеркнуть историю национально-освободительного движения, так как она не вписывается в теорию фронта» [Нуртазина, 2014]. Другой историк, Г.К. Кокебаева, задает вопрос: «Где находилась в тот период “естественная граница империи”? Может быть, она проходила по Волге, на противоположном берегу которой жили народы неславянского происхождения? Нет, оказывается “естественная граница” империи находилась далеко на востоке, “достижение” которой было главной целью государства (Российского)» [Кокебаева, 2012]. Реакция казахстанских исследователей понятна. На наш взгляд, необходимо в своих исследованиях больше опираться на исторические факты, рассматривая концепцию Тернера лишь как общий подход к изучению пограничных явлений. Тогда применяемая концепция, в рамках которой, впрочем, можно и нужно изучать процессы, происходящие за линией фронта, будет наиболее жизнеспособна и плодотворна.

В современной российской исторической науке тема фронта в региональном разрезе представлена исследованиями ученых Белгорода, Воронежа, Екатеринбурга, Красноярска, Новосибирска, Тамбова и других научных центров. Имеются отдельные исследования по фронту Северного Кавказа, Камчатки и других территорий. В зависимости от особенностей и различий в развитии регионов, вызванных сочетанием пространственной и временной парадигм, можно уже сегодня выделить несколько подходов к изучению фронта. Логически они связаны с характером освоения государством новых земель: земледельческим, промысловым, промышленным и военно-политическим. Условно можно выделить политический, экономический, культурологический (конфессиональный), феноменологический, этнологический, демографический и другие аспекты «фронтального подхода».

Политический аспект наиболее полно охарактеризовали исследователи южнорусского фронта Ю.А. Мизис, О.В. Скобелкин, А.И. Папков, изучившие условия возникновения и существования фронта на территории России в XVI–XVIII вв. [Мизис, Скобелкин, Папков, 2015]. В теоретическом плане ими рассмотрен тот случай, когда объектом территориальной экспансии государства являются незаселенные земли (в южном направлении – Дикое поле), и государство не входит в прямое столкновение с другими государствами.

Авторами предложены следующие характеристики южнорусского фронта, которые в той или иной степени были характерны и для других малозаселенных регионов России:

– сопредельная фронту территория не должна быть общепризнанной территорией какого-либо государства;

– население сопредельной территории должно находиться на иной стадии социального развития и/или развития техники и технологии, нежели население государства, на окраине которого возникает фронтир;

– граница, вдоль которой возникает фронтир, должна быть условной;

– сопредельная территория должна стать объектом экспансии государства, в силу чего условная граница государства постоянно отодвигается вглубь сопредельной территории.

Культурологический и конфессиональный аспекты фронта являются основной темой философских и исторических исследований астраханских ученых, проводимых в рамках грантов РГНФ. Через призму концепции фронта ими изучается специфика культурных процессов, межэтнических и межконфессиональных отношений, происходящих на территориях Прикаспия и Северного Кавказа [Романова, Топчиев, 2014].

Уральскими историками впервые поставлена проблема «фронтальной модернизации», через призму которой исследуется промышленное освоение Урала в XVIII в. [Побережников, 2011, с. 192].

Признаки южнорусского фронта вполне применимы и к изучению процесса освоения Сибири, хотя русских купцов и промысловиков, а также беглых крестьян в Сибирь двигали, в первую очередь, экономические интересы. Данная тема всесторонне разработана новосибирскими историками [Резун, Шиловский, 2005]. Авторы не обходят своим вниманием также этносоциальные и этнокультурные процессы, которые в Сибири протекали сравнительно спокойно. Методом сравнения американского и сибирского фронтиров Д.Я. Резун и М.В. Шиловский рассматривают историю освоения Сибири с точки зрения контактов и взаимодействия культур разного цивилизационного уровня. С этих позиций ими были выделены три вида фронта: внешний, внутренний и внутрицивилизационный. По определению А.С. Хромых, «внешний фронт – время появления контактных зон между пришлым и коренным населением. Внутренний фронт – процесс огосударствления новой территории, в ходе которого идет взаимодействие и взаимовлияние различных хозяйственно-культурных типов и этносов. В условиях внутрицивилизационного фронта формируется новое сообщество, или особый вариант старой общности, на основе различных типов взаимодействия» [Хромых, 2012, с. 4]. Эти позиции он пытается применить для выявления особенностей процесса взаимодействия цивилизаций от Урала до Енисея в последней трети XVI – первой четверти XVII вв., почему-то – в лучших традициях европоцентризма – причисляя всех обитателей большей части азиатского континента к сообществам потестарного и трайбалистского типа. Именно такой подход и объясняет обеспокоенность казахстанских историков получить в новой «фронтальной» обертке старую историю о прогрессивном значении колонизации российских окраин.

В целом, следует отметить, что до сих пор применение концепции фронта к истории тюркоязычных народов Поволжья, Урала, Казахстана и Средней Азии остается проблематичной. Применительно к истории Казахстана – тем более. Длительное время в исторической науке существовало мнение о том, что на территории Казахстана не было ни государств, ни городов. Однако, Казахстан в географическом отношении являлся транзитной территорией: в древности и в средние века через территорию Казахстана проходил Великий шелковый путь, через степные просторы происходило массовое перемещение народов с востока на запад, в бесконечном движении сокрушая старые государства и создавая новые. Смешиваясь с другими этносами, они создавали новую культуру [Сыргакбаева, 2010, с. 88–89]. В XV–XVIII веках, ко времени непосредственных контактов местного населения с Российским государством, уже сформировалось и укреплялось Казахское ханство. Причем оно исторически и географически делилось на три жуза (старший, средний, младший).

Одним из важных особенностей фронта, по утверждению Ф.Дж. Тернера, является его подвижность, постепенное волнообразное продвижение условной границы государства на новые территории. В восточном и юго-восточном направлениях Российское государство сталкивалось с вполне реальными границами государств и с населением, об-

ладавшим достаточно развитым правовым сознанием, что является главным отличием русского фронта от американского. Это – государства, образовавшиеся на развалинах империи Чингис-хана, и имевшие опыт тесного взаимодействия с русскими со времен Золотой Орды. Наиболее устойчивые государственно-правовые традиции сохранились у казахов. Поэтому использование концепции фронта в изучении российско-казахстанских отношений не означает воскрешения традиционной истории колонизации. Этот методологический инструмент позволяет одинаково равномерно изучать те процессы, которые происходили по обе стороны фронтальной линии. Вопрос в другом – насколько равномерно они изучены? Если рассматривать линию фронта с внешней стороны, то окажется, что в евразийском пространстве существовал не один только русский фронт.

В первой трети XVIII в. Российская империя, соперничавшая в международной торговле с английским и голландским Ост-Индскими компаниями, вела упорные поиски пути в Индию через территорию Средней Азии. Однако путь в Среднюю Азию преграждали обширные казахские степи. Положение в Казахском ханстве было нестабильным: оно находилось в состоянии войны с Джунгарским ханством и, кроме того, было вынуждено отражать военные притязания со стороны среднеазиатских ханств. Это обстоятельство вынудило хана Младшего жуза Абулхаира начать переговоры с российским правительством о вхождении в состав Российского государства [Буканова, 1997, с. 87-88].

История присоединения Казахстана к Российскому государству достаточно хорошо изучена, однако конкретные механизмы инкорпорации казахских земель в состав России, по нашему мнению, раскрыты недостаточно. Одним из ведущих компонентов в расширении институционально-политического пространства Российского государства в XVI–XVIII вв. были города-крепости и укрепленные линии, которые строились по мере присоединения новых территорий. Россия путем строительства пограничных линий и укреплений активно вошла на территорию Казахстана с северо-запада и северо-востока. Истощенный непрерывными войнами с джунгарскими захватчиками казахский народ фактически уже не мог сопротивляться. Первой крепостью-форпостом на российско-казахстанском фронте стал Оренбург (Орск), основанный при впадении р. Ор в р. Яик, а в 1743 г. построенный на новом месте у устья р. Сакмара. Он стал главным городом на Оренбургской укрепленной линии, цель строительства которой состояла в том, чтобы закрыть границы между Россией и еще не окончательно присоединенной территорией Казахстана. Оренбургская линия была разделена на 5 дистанций. 1-я включала крепости и редуты от Звериноголовской крепости до г. Верхнеуральска (Звериноголовская, Усть-Уйская, Крутойрская, Каракульская, Троицкая, Степная, Петропавловская, Карагайская крепости), 2-я – от Верхнеуральска до Орской крепости (г.Верхнеуральск, Магнитная, Кизильская, Уртазымская, Таналыкская крепости), 3-я – от Орской крепости до Оренбурга (Орская, Губерлинская, Ильинская, Верхнеозерная, Красногорская крепости и г.Оренбург), 4-я – от г. Оренбурга до Уральска (Чернореченская, Татищева, Нижне-Озерная, Рассыпная крепости) и 5-я – от Уральска до Гурьева городка. Оренбургская линия просуществовала почти до середины XIX века [Буканова, 2014, с. 27].

Если на протяжении XVIII в. в центре внешнеполитических интересов России на юго-востоке были казахи Младшего жуза, то в начале XIX в. Россия стремилась расширить свое влияние в Среднем жузе. В 1822 году был принят «Устав о сибирских киргизах», в Среднем жузе ханская власть была ликвидирована, территория жуза разделена на внутренние и внешние округа. К внутренним округам относились Омский, Петропавловский, Семипалатинский, Усть-Каменогорский, а за линией казахских укреплений находились внешние округа [Абуев, 2015, с. 14]. Как считали царские администраторы, казахи внутренних округов уже не представляли угрозу для местной администрации и власти могли спокойно управлять ими без опасения. Во внешних округах создавались приказы, как опорные пункты управления. Основными функциями окружных приказов было: соблюдение установленного порядка, статистика местного населения, сбор налогов, судопроизводство [Левшин, 1996, с. 401]. Во главе окружных приказов стояли выборные ка-

захские султаны, которые с помощью царских войск управляли кочевым населением в глубине Казахской степи. Россия таким образом постепенно устанавливала политический контроль над обширной территорией Казахстана, шаг за шагом продвигаясь строго на юг. За верную службу султаны получали большие суммы денежных средств и воинские звания. Царские чиновники понимали, что сразу установить полный контроль над регионом было не возможно, так как в тех исторических условиях это было не реально. Постепенно освоенные вдоль укрепленных линий и крепостей земли заселялись русскими крестьянами и казаками.

Города-крепости, построенные вдоль границ Казахстана в XVIII–XIX вв., олицетворяли собой не только линию фронта, но факт присутствия государственной власти на той или иной территории. Вместе с развитием городов менялся и вектор последующего исторического развития регионов. Осуществление взаимодействия славяно-земледельческой и тюрко-стокотоводческой культур происходило через непосредственные контакты пришлого и местного населения.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00313 А: «Русский фронт: социально-экономическая динамика, повседневные модели населения, образование государственной территории и мобильная граница. XVI – нач. XIX в. (по материалам южных и юго-восточных уездов Центрально-Европейского региона)».

Список литературы

References

1. Абуев К.К. 2015. Кокшетау. Исторические очерки. Кокшетау, Кокшетауский государственный ун-т им. Ш. Ш. Уалиханова, 257.
Abuev K.K. 2015. Kokshetau. Istoricheskie ocherki. Kokshetau, Kokshetauskiy gosudarstvennyy un-t im. Sh. Sh. Ualikhanova, 257. (in Kazakhstan)
2. Абуев К.К. 2006. Хан Абылай и его время. Астана, Елорда, 115.
Abuev K.K. 2006. Khan Abylay i ego vremya. Astana, Elorda, 115. (in Kazakhstan)
3. Буканова Р.Г. 1997. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа, Китап, 256. (in Russian)
Bukanova R.G. 1997. Goroda-kreposti yugo-vostoka Rossii v XVIII veke. Istoriya stanovleniya gorodov na territorii Bashkirii. Ufa, Kitap, 256. (in Russian)
4. Буканова Р.Г. 2014. Роль Оренбурга в формировании юго-восточного фронта России. Материалы заседания Научного совета ГБУ «ГАОО» «Оренбург в контексте истории Российского государства (к 270-летию г. Оренбурга)». Под. ред. В.А.Ильиной, Е.И.Новокрещеновой, Е.К.Еорофеева. Оренбург, ООО НИК «Университет»: 25-27.
Bukanova R.G. 2014. Rol' Orenburga v formirovaniy yugo-vostochnogo frontira Rossii. Materialy zasedaniya Nauchnogo soveta G"U «GAOO» «Orenburg v kontekste istorii Rossiyskogo gosudarstva (k 270-letiyu g. Orenburga)». Pod. red. V.A.Ill'inoiy, E.I.Novokreshchenovoy, E.K.Eorofeeva. Orenburg, OOO NIK «Universitet»: 25-27. (in Russian)
5. Кокебаева Г.К. Теория фронта и изучение истории колониализма. URL: <https://articlekz.com/article/7223> (дата обращения: 01.05.2018)
Kokebaeva G.K. Teoriya frontira i izuchenie istorii kolonializma. URL: <https://articlekz.com/article/7223> (data obrashcheniya: 01.05.2018) (in Kazakhstan)
6. Левшин А.И. 1996. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Под ред. М.К. Козыбаева. Алматы, Изд-во Санат, 656.
Levshin A.I. 1996. Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaysatskikh, ord i stepey. Pod red. M.K. Kozybaeva. Almaty, Izd-vo Sanat, 656. (in Kazakhstan)
7. Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Папков А.И. 2015. Теория фронта и юг России в XVI – первой половине XVIII в. Вестник ТГУ. Т. 20. Вып. 10: 7-15.
Mizis Yu.A., Skobelkin O.V., Papkov A.I. 2015. Teoriya frontira i yug Rossii v XVI – pervoy polovine XVIII v. Vestnik TGU. T. 20. Vyp. 10: 7-15. (in Russian)
8. Нургазина Н. Теория фронта: попытка современных историков России оправдать историю колониальных захватов в Казахстане и Евразии. 20.04.2014 г. URL: <https://www.altyn->

orda.kz/istorik-nazira-nurtazina-teoriya-frontira-popytka-sovremennykh-istorikov-rossii-opravdat-istoriyu-kolonialnykh-zaxvatov-v-kazaxstane-i-evrazii/ (дата обращения: 01.05.2018)

Nurtazina N. Teoriya frontira: popytka sovremennykh istorikov Rossii opravdat' istoriyu kolonialnykh zakhvatov v Kazakhstane i Evrazii. 20.04.2014 g. URL: <https://www.altyn-orda.kz/istorik-nazira-nurtazina-teoriya-frontira-popytka-sovremennykh-istorikov-rossii-opravdat-istoriyu-kolonialnykh-zaxvatov-v-kazaxstane-i-evrazii/> (data obrashcheniya: 01.05.2018) (in Kazakhstan)

9. Побережников И.В. 2011. Азиатская Россия: фронтир, модернизация. Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. Т. 96. 4: 192.

Poberezhnikov I.V. 2011. Aziatskaya Rossiya: frontir, modernizatsiya. Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki. T. 96. 4: 192. (in Russian)

10. Резун Д.Я., Шиловский М.В. 2005. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, Сова, 193.

Rezun D.Ya., Shilovskiy M.V. 2005. Sibir', konets XVI – nachalo KhKh veka: frontir v kontekste etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov. Novosibirsk, Sova, 193. (in Russian)

11. Романова А.П., Топчиев С.М. 2014. Кавказ как вечный фронтир. Каспийский регион: политика, экономика, культура. 3: 278–294.

Romanova A.P., Topchiev S.M. 2014. Kavkaz kak vechnyy frontir. Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura. 3: 278–294. (in Russian)

12. Сыргакбаева А.С. 2010. Некоторые особенности урбанизма в Казахстане. Вестник Казахского национального университета им. Аль-Фараби. Серия философия, культурология, политология. 1: 88–89.

Syrgakbaeva A.S. 2010. Nekotorye osobennosti urbanizma v Kazakhstane. Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo universiteta im. Al'-Farabi. Seriya filosofiya, kul'turologiya, politologiya. 1: 88–89. (in Russian) (in Kazakhstan)

13. Тёрнер Фредерик Дж. 2009. Фронтир в американской истории. Пер. с англ. М., Издательство «Весь Мир», 304.

Terner Frederik Dzh. 2009. Frontir v amerikanskoj istorii. Per. s angl. M., Izdatel'stvo «Ves' Mir», 304. (in Russian)

14. Хромых А.С. Сибирский фронтир. Встреча цивилизаций от Урала до Енисея (последняя треть XVI – первая четверть XVII века): монография. Отв. ред. Г.Ф. Быконя. Красноярск, Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2012. 312.

Khromykh A.S. Sibirskiy frontir. Vstrecha tsivilizatsiy ot Urala do Eniseya (poslednyaya tret' XVI – pervaya chetvert' XVII veka): monografiya. Otв. red. G.F. Bykonya. Krasnoyarsk, Krasnoyar. gos. ped. un-t im. V.P. Astaf'eva, 2012. 312. (in Russian)

15. Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект. 2011. Ред. В.В. Алексеев, Е. В. Алексеева, Е. Т. Артёмов и др. Екатеринбург, Ин-т истории и археологии УрО РАН, 384.

Tsivilizatsionnoe svoeobrazie rossiyskikh modernizatsiy KhVIII-KhKh vv.: prostranstvenno-vremennoy aspekt. 2011. Red. V.V. Alekseev, E. V. Alekseeva, E. T. Artemov i dr. Ekaterinburg, In-t istorii i arkheologii UrO RAN, 384. (in Russian)